

81 и 6

РУССКІЙ РАБОЧІЙ.

(Окончаніе).

Рабочій въ продолженіи дня работаетъ столько времени, сколько у него хватаетъ силъ. На нѣкоторыхъ золотыхъ пріискахъ работы продолжаются по 20 часовъ въ сутки. Столяры нижегородскаго и семеновскаго уѣздовъ, работая съ 2 часовъ ночи до 8 вечера, получаютъ въ мѣсяцъ 2, 3, 5 рублей («Труды», IV, 157). Подольская и серпуховская кружевница, работая 19 часовъ въ сутки, зарабатываетъ въ мѣсяцъ 4 руб. 94 коп. Въ ложкарномъ производствѣ красильница, работая 20 часовъ въ сутки, получаетъ 2 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ и 4 руб. 80 коп. на своихъ (ib., II, 22). Въ шляпномъ производствѣ стрижельщица московской губ. работаетъ 12½ часовъ и получаетъ 12½ коп. въ день. На фабрикахъ и заводахъ клинскаго уѣзда число рабочихъ часовъ простирается иногда до 17, вообще здѣсь рабочее время распределено такъ:

	Число рабочихъ часовъ.
1. Механическіе заводы	11
2. Ковровая и шелкоткацкая фабрика	12
3. Бумаго-прядильная фабрика	12 (посмѣнно)
4. Самоткацкія бумажныя фабрики	12
5. Спичечныя заводы	12½—13
6. Химическіе заводы	12 — 14
7. Кожевенныя заводы	13 — 14
8. Зеркальныя заведенія	13 — 14
9. Отбѣльныя и красильныя заведенія	13 — 15
10. Мѣдно-цѣпочныя заведенія	14 — 15
11. Бахромныя заведенія	14 — 15
12. Войлочные заведенія	14 — 15

	Число рабочихъ часовъ.
13. Мелкія ткацкія фабрики	15
14. Сапожныя заведенія	15

Повидимому, вездѣ, гдѣ производство имѣетъ болѣе характеръ кустарнаго промысла, или вообще на мелкихъ заведеніяхъ, рабочий день продолжается дольше, нежели на большихъ фабрикахъ. Тѣмъ не менѣе, отсюда нельзя вывести заключенія, что условія труда на большихъ фабрикахъ легче и благопріятнѣе въ санитарномъ отношеніи, нежели на мелкихъ заведеніяхъ. Не надо забывать, что работа въ послѣднихъ вольнѣе, не такъ втиснута въ извѣстныя рамки, какъ на большихъ фабрикахъ, въ особенности на тѣхъ, которыя работаютъ при помощи пара и гдѣ каждая минута эксплуатируется съ величайшей аккуратностью и и все время проходитъ въ лихорадочной дѣятельности (Эрисманъ, 68).

При этомъ надобно имѣть въ виду, что отдыхъ значительно сокращается тѣмъ, что большинство рабочихъ по окончаніи работы уходитъ домой, въ деревню, а затѣмъ опять къ сроку возвращается на фабрику и притомъ даже раньше, чѣмъ-бы слѣдовало, изъ боязни запоздать. Кромѣ того, въ теченіи этого отдыха рабочіе должны удовлетворить всѣ свои физическія и нравственныя потребности, такъ-что для сна остается весьма мало времени. И эту убійственную продолжительную работу наряду съ взрослыми мужчинами несутъ женщины и дѣти, составляющія чуть не половину рабочаго контингента. Вотъ, напр., составъ рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ клинскаго уѣзда:

Бумагопрядильня Балина:

	м.	ж.	всего.
Малолѣтнія (до 14 л.). . . .	40	13	53 = 16.12%
Подростки (14—18 л.). . . .	59	33	92 = 27.96%
Взрослые рабочіе (свыше 18 л.).	125	59	184 = 55.92%
Итого.	224	105	329 (ib., 79).

Ткацкая фабрика Кашаева:

	м.	ж.	всего.
Малолѣтнихъ (до 14 л.). . . .	11	32	43 = 9.73%
Подростковъ (отъ 14 до 18 л.).	23	124	147 = 33.26%
Взрослыхъ.	60	192	252 = 57.01%
Итого.	94	348	442 (ib., 115).

Спичечный заводъ Захарова:

	м.	ж.	ВСЕГО.
Малолѣтнихъ	6	1	7 = 14.28%
Подростковъ	2	20	22 = 44.90%
Взрослыхъ	11	9	20 = 40.82%
Итого.	19	30	49 (ib., 181).

Спичечный заводъ Захарова-же:

	м.	ж.	ВСЕГО.
Малолѣтнихъ	2	1	3 = 7.32%
Подростковъ	2	19	21 = 51.22%
Взрослыхъ	12	5	17 = 41.46%
Итого.	16	25	41 (ib., 187).

Во всемъ уѣздѣ считается:

	м.	ж.	ВСЕГО.
Малолѣтнихъ	404	213	617
Подростковъ	638	734	1372
Взрослыхъ	2310	1086	3396
Итого.	3352	2033	5385 (ib., 67).

Изъ числа работницъ—замужнихъ и вдовъ 498, незамужнихъ 1,535. Нѣкоторыя дѣвочки работаютъ на фабрикахъ съ 6 лѣтъ (ib., 284). Нечего и говорить о ихъ раннемъ развращеніи среди рабочей молодежи, приказчиковъ и хозяевъ. Что-же касается взрослыхъ женщинъ, то колыбеленъ для ихъ грудныхъ дѣтей не имѣется; уходя на работу, матери грудныхъ и вообще маленькихъ дѣтей оставляютъ ихъ подъ присмотромъ бабушекъ, старшихъ сестеръ или какой-нибудь наемной нянюшки. Льготъ для беременныхъ женщинъ и родильницъ не существуетъ: беременныя обыкновенно работаютъ до послѣдней возможности, оставляя иногда фабрику лишь за нѣсколько часовъ до родовъ; послѣ родовъ, женщина, часто не вполне оправившись, снова поступаетъ на фабрику. Пособія отъ конторы онѣ не получаютъ (ib., 85, 134 и др.) Въ с. Клинцахъ, черниговской губ., мальчики и дѣвочки поступаютъ на фабрики съ 5—6 лѣтъ; то-же самое видимъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ владимірской губ. Въ вязниковскомъ уѣздѣ ткачи обоого пола начинаютъ работать съ 10 лѣтъ; на галантерейныхъ заводахъ костромскаго уѣзда дѣти работаютъ съ 7 лѣтъ; въ подольскомъ у. дѣвочки плетутъ кружево съ 6 л.; въ пенъковомъ производствѣ с. Полотняго, ме-

дынскаго у., работаетъ 1,310 мужчинъ, 1,380 женщинъ, 263 подростка и 297 дѣтей моложе 10 л. («Труды», II, 20, 48, 51; V, 349, 419). «Войдите въ мотальню, говорится въ описаніи жизни рабочихъ на шелко-крутильной фабрикѣ братьевъ Русаковыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ,—вы увидите женщинъ всякаго возраста, начиная отъ 14-ти-лѣтняго. Худыя, блѣдныя, изнеможенные, съ лицами, покрытыми преждевременными морщинами, въ жалкихъ лохмотьяхъ стоятъ онѣ согнувшись возлѣ своихъ станковъ... У нихъ не было дѣтства, у нихъ нѣтъ и юности. Такъ работаютъ онѣ *восемнадцать* часовъ въ сутки, съ 10 ч. вечера до 4 ч. дня, получая за это 35 р. въ годъ. Остается, слѣдовательно, 6 часовъ для сна и для удовлетворенія физическихъ и нравственныхъ потребностей. Не правда-ли, какія при такой жизни возможны нравственные потребности?»

«Посѣщающимъ фабрики извѣстно, говоритъ г. Трубниковъ о тверскихъ фабрикахъ,—что даже восьмилѣтнія дѣти работаютъ не только днемъ, но и ночью. Ни для кого не тайна, каковъ нравственный уровень на фабрикахъ у взрослыхъ рабочихъ; дѣти-же, по своей впечатлительности, легко усваиваютъ всю неприглядную сторону взрослыхъ. Такимъ образомъ, хилѣя физически и искалѣчиваясь нравственно, они дѣлаются въ послѣдствіи представителями не здороваго и сильнаго поколѣнія, а золотушнаго, преждевременно старѣющагося и вымирающаго, внося при томъ въ свои общины, куда они возвращаются, пороки, о которыхъ ихъ родные поилцы и понятія не имѣютъ».

По вычисленію г. Исаева, въ московскомъ уѣздѣ женщины составляютъ 20, а дѣти 13% фабричныхъ рабочихъ и работаютъ наравнѣ съ взрослыми мужчинами. На Лапинской мануфактурѣ, напр., дѣти принимаются съ 8 лѣтъ и работаютъ *по двѣнадцати часовъ въ сутки*. На бумаго-придильной фабрикѣ Третьякова дѣти принимаются съ 6 лѣтъ и работаютъ *по двѣнадцати часовъ*. На ткацкой фабрикѣ Рѣшетникова—съ 8 лѣтъ и *по тринадцати часовъ въ сутки*. На ткацкой фабрикѣ Чернышева, гдѣ дѣти принимаются съ 10 лѣтъ, они работаютъ столько же, сколько и взрослые—*по пятнадцати часовъ въ сутки*. Въ красильномъ заведеніи Тереховой дѣти принимаются съ 10 лѣтъ и работаютъ *по шестнадцати часовъ*. На бумаго-красильной фабрикѣ товарищества Францъ Рабенэкъ число рабочихъ часовъ въ сутки тоже одинаковое для взрослыхъ и малолѣтнихъ—*цѣлыхъ семнадцать часовъ*! Въ серпуховскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента, «положеніе дѣтей, изъ-за 4-хъ, 5-ти-рублеваго жалованья, обреченныхъ на изнурительную 12-ти-часовую работу на мѣстныхъ фабрикахъ—въ высшей степени печальное.

Къ сожалѣнію, эти изможденные, блѣдныя, съ воспламенными глазами существа, погибающія физически и нравственно, до сихъ поръ еще не пользуются въ надеждащей степени защитой со стороны закона. А между тѣмъ, эта юная рабочая сила представляетъ весьма солидный процентъ всѣхъ силъ, занятыхъ на мѣстныхъ фабрикахъ; такъ, на одной фабрикѣ г. Коншина работаетъ до 400 дѣтей».

На всѣхъ фабрикахъ, говоритъ вязниковская земская управа, — производство совершается непрерывно день и ночь, исключая только воскресныхъ и табельныхъ дней или пріостановки вслѣдствіе какихъ-либо значительныхъ поврежденій машины. Мастеровые, какъ мужчины и женщины, такъ и дѣти, обыкновенно дѣлятся на двѣ перемѣны, изъ которыхъ на однихъ заведеніяхъ каждая работаетъ въ теченіи 8 часовъ; по прошествіи этого времени, заступаетъ ее на то-же время другая, такъ-что одной половинѣ рабочихъ въ однѣ сутки приходится работать 16 часовъ, а другой—8, зато на другія сутки уже послѣдняя перемѣна работаетъ 16, а первая только 8 часовъ; такимъ образомъ, въ теченіи двухъ сутокъ каждый, безъ различія возраста, мастеровой работаетъ 24 часа. На другихъ заведеніяхъ смѣны эти чередуются черезъ каждые 6 часовъ, и каждому рабочему, взрослый-ли онъ или малолѣтокъ, приходится работать 12 часовъ въ сутки. Такой утомительный, и въ первомъ случаѣ, можно сказать, непосильный трудъ не только дѣйствуетъ пагубно и разрушительно на здоровье дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, но даже на взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, дѣлая ихъ преждевременною жертвою смерти, чему способствуютъ разнаго рода вредныя испаренія и міазмы, являющіяся неизбѣжною принадлежностью фабричныхъ заведеній, несмотря на то, какъ-бы хорошо ни была устроена въ нихъ вентиляція; тому-же содѣйствуетъ и недостатокъ здоровой пищи, ибо питательность есть главное условіе поддержанія силъ рабочихъ. Между тѣмъ, нѣкоторые мѣстные рабочіе приходятъ только съ однимъ хлѣбомъ, не имѣя почти недѣлю горячей пищи и даже скудно обѣдая въ воскресенье; живущіе-же на фабрикахъ рабочіе изъ другихъ уѣздовъ, при ограниченной заработной платѣ и при полученіи оной не наличными деньгами, а продуктами по возвышеннымъ цѣнамъ, должны себя ограничивать и быть умѣренными до крайности.

Все это, вмѣстѣ взятое, относительно малолѣтнихъ даетъ такой результатъ, что изъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, достигаетъ зрѣлаго возраста только меньшинство, но и то слабосильнымъ и неспособнымъ ни къ какому труду или ремеслу. Кроме того, нравственная сторона сгруппированныхъ большими мас-

сами на фабрикахъ рабочихъ, не имѣющихъ ни средствъ, ни времени получить умственное развитіе, хотя-бы равное своему собрату, живущему въ деревнѣ, не представляетъ утѣшительныхъ послѣдствій» («Владимірска. Земск. Сборн». 1875, VI, 262—264). Въ белибеевскомъ уѣздѣ на единственной суконной фабрикѣ работаетъ 1,000 человекъ обоего пола, изъ коихъ болѣе 200 дѣтей въ учебномъ возрастѣ. Послѣдніе остаются совсѣмъ неграмотными, такъ-какъ фабрика объ открытіи школы и не думаетъ. Положеніе рабочихъ здѣсь очень печальное. Въ Петербургѣ ситцевыя, хлопчато-бумажныя, писчебумажныя, карточные фабрики переполнены женщинами. Напримѣръ, на ситцевой фабрикѣ Палая женщинъ отъ 90 до 100 человекъ, дѣтей отъ 90 до 100 человекъ; на писчебумажной фабрикѣ Варгунина женщинъ также много; на стеариновомъ заводѣ, изъ 450 всѣхъ рабочихъ 150 женщинъ и т. д. Женщины получаютъ вообще отъ 8 до 12 р. въ мѣсяцъ, а среднимъ числомъ—10 р. Дѣти—отъ 5 до 9 р. На Сестрорѣцкомъ заводѣ въ красильномъ отдѣленіи «работаетъ до 115 человекъ, 70 взрослыхъ, остальные дѣти и между ними попадаются очень юные. Такъ Александръ Морозовъ, 13 лѣтъ, работаетъ на заводѣ два года слишкомъ, но точно времени опредѣлить не можетъ. Во всякомъ случаѣ онъ поступилъ на заводъ не позже 11 лѣтъ. Работаютъ отъ 6 ч. утра до 7 ч. вечера съ двухчасовымъ перерывомъ для обѣда; работаютъ по-дневно. Дѣти получаютъ отъ 40 до 70 к., а взрослые отъ 1 р. до 2 р. 50 к. въ день. Въ уломскомъ краѣ, говоритъ Грязновъ, «работа кромѣ тяжести, требуетъ еще непрерывнаго напряженія зрѣнія и внимательности. Нужно, чтобы молотъ попадалъ непременно въ извѣстную точку расковываемого раскаленного прута и зналъ свою очередь удара, иначе при кованіи въ два молотка можно только мѣшать другъ другу и отбить себѣ руки. Что работаютъ здѣсь до крайняго напряженія—это несомнѣнно. Кузнецы рассказываютъ, что послѣ работы они чувствуютъ сильное утомленіе и даже утромъ боли въ рукахъ и поясницѣ, особенно въ началѣ сезона послѣ лѣтней отвычки отъ работъ. Но если устаютъ взрослые, то что-же дѣлается съ дѣтьми?! Молотниками обыкновенно бываютъ мальчики отъ 12, иногда 10 и 9 лѣтъ; они, идя съ работы, еле передвигаютъ ноги» («Опытъ», 122). У арзамасскихъ кузнецовъ тоже особенно хилы дѣти, которыя принуждены работать одинаковое со взрослыми количество времени; тяжело видѣть, какъ замазанный углями, блѣднолицый ребенокъ торопливо и неловко возится съ своимъ тяжелымъ молотомъ, который не по силамъ его слабымъ рученкамъ. («Труды», IV, 187).

На фабрикахъ и заводахъ этими несчастными дѣтьми обыкновенно помыкають, какъ хотятъ, и хозяинъ, и приказчики, и мастеровые. Вотъ что, напр., рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ одинъ каргопольскій скорнякъ: «Зимой мѣховые кроильщики-крестьяне и человѣка 2—3 мѣщанъ (послѣдніе спали тоже въ мастерской) рано встанутъ: часа въ три, въ два, даже въ часъ; достанутъ огня и начнутъ работать. Но вѣдь сонъ долить! Вотъ они, чтобы не дремать и начнутъ чай пить. Да вѣдь для чаю нужна вода, но не колодезная; они той не хотятъ, а рѣчная, а вѣдь до рѣки, ты самъ знаешь, оттуда почти верста будетъ. За водой долженъ идти парень. Вотъ они и будятъ его. Иной разоспится—не скоро разбудишь, то чтобы скорѣе къ дѣлу, поставятъ его на ноги и выведутъ въ сѣни; даютъ тамъ ему ведро, сапоги, шубу, шапку, а двери мастерской запрутъ на крючекъ, для того, чтобы не воротился назадъ. Затѣмъ, что угодно дѣлай, даютъ тебѣ на волю: хошь иди на рѣку за водой, несмотря ни на ослѣпительную вьюгу, ни на 30-ти-градусный морозъ, или не ходи и стой въ сѣняхъ до свѣта, схвати горячку и неотвратимую вѣрную расплату—трепаніе за волосы, или спины веревкою» (ib., 289). Не менѣе ужасно положеніе приказчиковъ, въ числѣ которыхъ всюду находится тоже большій % дѣтей. Вотъ, напр., три письма приказчиковъ, напечатанныя въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1879 г.:

1) «Мы, приказчики, ради нужды своей и своихъ семействъ, работаемъ, привязанные къ мѣсту, отъ 16 до 18 часовъ въ сутки, остальное время посвящая сну для приготовленія къ такой-же работѣ слѣдующаго дня. Нѣтъ у насъ ни воскресенья, ни табельнаго, ни даже годового праздника, ни Рождества, ни Свѣтлаго воскресенья; цѣлый годъ одно и то-же. Религіозныхъ обязанностей мы совершенно не соблюдаемъ, не учимся ничему и ни о какомъ развитіи ума и просвѣщеніи намъ и въ голову не приходитъ. Терпимъ и переносимъ всѣ тягости и неудобства; живемъ кое-какъ, вмѣстѣ съ клопами, тараканами. Хозяева раньше 2—3 недѣль не пускаютъ даже въ баню, бѣлье истлѣваетъ; отъ вынужденной неопрятности заводятся разныя насѣкомыя. Помѣщенія для ночлега неопрятныя, тѣсныя, сырыя, съ тяжелымъ воздухомъ, къ которому трудно привыкнуть; вмѣсто постелей укладываешься, кому гдѣ пришлось: на полу, на скамейкахъ, на ящикахъ, на старомъ тряпѣ и грязномъ бѣлѣ. Съ 1864 года служимъ по овощной части и порядки всѣ знаемъ, и скажемъ одно, что вся наша братія вродѣ невольниковъ и дикарей, и совершенно отшатнулись мы отъ церкви Божіей, служаи съ 1864 года».

2) «Г. редакторъ! Напечатайте въ вашей газетѣ, какъ живутъ приказчики, молодцы и мальчики при овощной торговлѣ: никогда они въ церковь не ходятъ, только два раза въ годъ: на Рождество и на Святую, и никогда никакой свободы не имѣютъ, ни отдыха. Встаемъ въ 5 часовъ, ложимся въ 11. Даже въ Рождество и Пасху, сходявши къ обѣднѣ, тотчасъ-же выходимъ въ лавку; вѣдь это хуже фабричныхъ, потому-что и тѣ, отработавши недѣлю, имѣютъ день для молитвы, отдыха и гулянья. И за такую каторжную должность жалованье самое ничтожное. Какъ на это не обратить вниманія правительство и не запретить всѣмъ торговцамъ открывать торговлю хоть по двенадесатымъ праздникамъ?»

3) «Симбирскъ. Я принадлежу къ торговому люду; прослужилъ у хозяина 7 лѣтъ и въ теченіи этого времени 7 разъ только ходилъ въ церковь, когда поютъ *Христосъ Воскресе* и *Рождество твое Христе Боже нашъ*. Въ простыя-же воскресенья съ 4 часовъ иди въ лавку и будь до 9 часовъ вечера. Говѣтъ вздумаешь—хозяинъ говоритъ: «вишь какой богомольникъ! Или лѣнь дѣломъ заниматься? Чай, говорить, у хозяина-то дѣла: хозяинъ пой, корми, жалованье плати, а ты вздумалъ шабалы бить!»

Выше мы уже приводили нѣкоторые цифры, показывающія ничтожные размѣры платы, получаемой русскимъ рабочимъ за его убійственный трудъ, и здѣсь дополнимъ ихъ другими примѣрами. Каргопольская скорнячная швея зарабатываетъ всего отъ 1 р. 10 к. до 2 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ («Труды», IV, 303). Даже въ Петербургѣ чернорабочіе на фабрикахъ и заводахъ получаютъ отъ 9 до 15 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. На фабрикахъ клинского уѣзда рабочіе получаютъ въ мѣсяцъ:

	Мужчины.		Женщ. Малолѣтки.	
	Р	у	б	л и.
1. Стеклянный заводъ . . .	8—12		—	5 ¹ / ₂
2. Ковровая и шелкоткацкая фабрики	22—30		10—25	2—3 и хоз. харчи.
3. Механическіе заводы . . .	12—30		—	—
4. Бумаго-прядильная фабр. .	9—18		6—9	3—5
5. Самоткацкія-бумажн. фабр.	8—18		5—15	3—6
6. Сапожныя заведенія . . .	6—	8 и хоз. харчи.	—	—
7. Бахромныя заведенія . . .	5—	8 и хоз. харчи.	—	—
8. Химическіе заводы . . .	4—	8 и хоз. харчи.	—	—
9. Кожевенные заводы . . .	5—	9 и хоз. харчи.	—	—
»	4—	6 и хоз. харчи.	—	—
10. Отбѣльные и красильн. зав.	9—12		6—8	2—4
11. Спичечные заводы . . .	9—11		6—8	2—4

РУССКІЙ РАБОЧІЙ.

	Мужчины.			Женщ. Малолѣтн.	
	Р	у	б	л	и.
12. Зеркальныя заведенія отъ	1½			—	—
до	2½	и хоз. харчи.		—	—
13 Мѣдноцѣпочныя зав. . .	5—	7		2—	4 —
14. Войлочныя заведенія. . .	4			—	2
15. Мелкія ткацкія фабрики. .	3—	7		2—	4 80 к. (Эрисманъ, 69).

Просимъ читателя сравнить эту таблицу съ приведенною выше, показывающею число рабочихъ часовъ, и онъ увидитъ, что въ клинскомъ уѣздѣ чѣмъ больше работаетъ въ день работникъ, тѣмъ меньше получаетъ онъ платы!.. На фабрикѣ Егорова ткачъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 4 р. 80 к., а шпульникъ—отъ 80 коп. до 1 р. 20 к. (ib., 145). На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ ткачъ получаетъ не болѣе 3 р.—3 р. 70 к. въ мѣсяцъ (ib., 153). Въ спичечномъ дѣлѣ макальщики получаютъ 2—4 р. въ мѣсяцъ (ib., 188). На войлочныхъ фабрикахъ мальчики работаютъ за 10 р. въ годъ, а взрослые получаютъ отъ 2 до 6 руб. въ мѣсяцъ (ib., 205). На винокуренныхъ и сахарныхъ заводахъ, черниговской губерніи, рабочій получаетъ 4 руб. въ мѣсяцъ.

Какъ ни жалка эта задѣльная плата, но въ дѣйствительности она еще значительно ниже приведенныхъ цифръ, благодаря штрафамъ и хозяйскимъ лавочкамъ.

Наши невѣжественные заводчики и подрядчики давно уже разнюхали всѣ предѣлы контрактовъ и рабочихъ книжекъ съ условіями, которыя они насильно навязываютъ. Вотъ, напр., на сахарномъ заводѣ кievской губерніи рабочимъ полагается за прогулъ, самовольную отлучку и за куреніе табаку въ неуказанныхъ мѣстахъ—штрафъ отъ 50 к. до 1 р. за каждый разъ. За порчу, потерю и похищеніе заводскихъ вещей, а также за дерзость, буйство «или другія распутства»—штрафъ по опредѣленію «господина директора» или отвѣтственность «по закону». Иногда, впрочемъ, нѣкоторые непорядки предоставляется порѣшать самимъ рабочимъ. Въ одномъ условіи, напр., говорится: «Если кто будетъ грубіянить противъ заводскаго управленія, то мы, крестьяне, обязываемся разобрать и наказать своимъ судомъ». Или вотъ на какихъ условіяхъ работаютъ сначи (судорабочіе) на Днѣпрѣ: «Если, «Боже сохрани», кто изъ рабочихъ заболѣетъ «въ пути слѣдованія», то за первые дни вычета нѣтъ (обыкновенно отъ 2 до 7 дней), а за слѣдующіе—идетъ вычетъ. Въ одномъ условіи даже встрѣчается такая приставка: болѣзнь должна быть подтверждена атаманомъ и рабочими. Кто совсѣмъ не явится на пристань—взыскивается задатокъ вдвойнѣ. При побѣгѣ, или всѣ рабочіе долж-

ны покрыть убытки своимъ имуществомъ за круговую порукою, или-же «виновный отвѣчаетъ по закону». За пьянство, прогулъ или буйство, мы, крестьяне, «подвергаемся» штрафу по 50 к., по 1 р. или по 2 р. за разъ. Въ одномъ случаѣ, штрафъ назначался даже за отказъ подать помощь другому плоту, правда, очень небольшой, всего въ 30 коп. Всѣ подобныя мелкія взысканія идутъ или въ пользу артели, или въ пользу хозяина. Иногда они прописываются въ той курьезной формѣ, по которой выходитъ, что сами крестьяне «обязываютъ» хозяина наказывать ихъ. Такъ, напр., въ одномъ условіи говорится: «Во время слѣдованія плотами мы, крестьяне, пьянствовать и буйствовать не должны, за что хозяинъ съ того лица обязанъ взыскать штрафъ одинъ рубль».

На большихъ фабрикахъ клинского уѣзда тѣ-же условія. На бумагопрядильнѣ Балина, при наймѣ, каждый рабочій получаетъ расчетную тетрадь, содержащую условія найма. Тетрадь напечатана съ дозволенія московскаго вице-губернатора. Умалчивая о правахъ и обязанностяхъ хозяина, она содержитъ, во-первыхъ, извлеченія изъ Свода Законовъ, будто-бы касающіяся «обязанностей и правъ» фабричныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, на самомъ-же дѣлѣ толкующія исключительно объ «обязанностяхъ» рабочихъ, о томъ, что послѣднимъ воспрещается и за что они подлежатъ наказанію; во-вторыхъ, въ тетради находятся «особыя правила по фабрикѣ», опять-таки трактующія исключительно о томъ, что рабочіе должны дѣлать, что имъ запрещено, за что они подвергаются взысканіямъ и т. д., причемъ доказчику обѣщается вознагражденіе. Привожу два наиболѣе важные параграфа этихъ спеціальныхъ правилъ.

1. «Рабочіе и мастеровые, поступившіе на фабрику съ Пасхи, всѣ обязаны жить до октября мѣсяца, а ежели кто не пожелаетъ жить до срока, то лишается всѣхъ заработанныхъ денегъ».

2. «Поступившіе-же съ октября мѣсяца, обязаны жить до Пасхи; а ежели кто не пожелаетъ, то долженъ объявить директору или конторѣ за полтора мѣсяца впередъ; въ противномъ случаѣ лишается всѣхъ заработанныхъ денегъ» (Эрисманъ, 79—80).

Въ правилахъ фабрики Кауленъ есть, между прочимъ, такое условіе: «На работу фабричные и мастеровые обоего пола и всякаго возраста должны являться не позже пятнадцати минутъ послѣ звонка, подъ опасеніемъ записки въ сей расчетной тетради взысканія съ нихъ той платы, которая причитается имъ за цѣлый рабочій день, а въ случаѣ прогула цѣлаго дня запи-

сывается въ сей разсчетной тетради взысканіе, равняющееся цѣнѣ трехъ рабочихъ дней» (ib., 103).

Въ ремонтной мастерской Волжско-Тверскаго пароходства рабочіе опутаны еще болѣе чудовищными условіями:

4 пунктъ. «Жалованье впередъ, до истеченія мѣсяца, я не долженъ требовать, а буду стараться какъ можно болѣе оставлять за конторой».

6 пунктъ. «Служащій въ комп. В.-Тв. пароходства обязанъ приказы, предписанія распорядителей и всѣ дѣйствія пароходства содержать въ тайнѣ отъ публики, неисполненіе чего влечетъ за собою совершенное увольненіе отъ службы.

7 пунктъ. «Я обязуюсь изъ своего жалованья оставлять въ конторѣ ежемѣсячно одну десятую часть, съ тѣмъ, что ежели я самъ откажусь служить въ продолженіи навигаціи, то не вправе требовать десятиа части, оставленныя мною въ конторѣ; если-же мнѣ откажетъ отъ службы контора не за провинность какую-либо, а по ненадобности или по окончаніи навигаціи, то контора обязана возратить при разсчетѣ удержанныя десятиа части изъ моего жалованья. Въ случаѣ-же болѣзни моей, засвидѣтельствованной врачомъ или свидѣтелями, контора выдаетъ разсчетъ сполна. Въ случаѣ провинности моей, оставленныя въ конторѣ десятиа части изъ жалованья мнѣ не возвращаются» (ib., 277).

Ничѣмъ не лучше «уставъ» шелко-ткацкой фабрики Фландена:

2. «Никто отъ работы отказаться не можетъ ранѣе условленнаго срока, контора-же имѣетъ право отказать во всякое время».

4. «Всѣ работающіе на заведеніи ссылаются 3-мя свистками, по 3-му свистку входъ въ фабрику запирается и не явившійся къ тому времени не впускается болѣе до завтрака».

5. «Рабочіе, не явившіеся до завтрака, платятъ 50 к. штрафу; до обѣда—1 р., и за цѣлый день—2 руб. сер. штрафу».

6. «За ошибки и изьяны на товарѣ, рабочіе платятъ штрафъ по важности учиненнаго убытка, по разсмотрѣнію конторы».

8. «Рабочіе, явившіеся въ нетрезвомъ видѣ на фабрику или контору, платятъ 1-й разъ 1 р., 2-й разъ—2 р. и 3-й разъ—3 руб. штрафу или отсылаются».

9. «За пьянство и шумъ или руганье въ спальняхъ или на дворѣ строго взыскивается штрафъ по 3 р.».

11. «Куреніе табаку въ фабричномъ корпусѣ запрещено; провинившіеся платятъ 3 р. штрафу» (ib., 131).

Вторымъ средствомъ къ уменьшенію рабочей платы служатъ то, что только часть ея выдается деньгами, а все остальное—

съѣстными припасами и другими товарами, потребными рабочему. На одномъ только этомъ оборотѣ сибирскіе золотопромышленники наживаютъ 200, 400, даже 600⁰/₀. Даже на такихъ первоклассныхъ фабрикахъ, какъ хлудовская въ Ярцевѣ, жалованье выдается не деньгами, а товаромъ. То-же самое дѣлается на многихъ петербургскихъ фабрикахъ. Въ шляпномъ производствѣ подольскаго уѣзда большинство хозяевъ расплачивается съ своими мастерами не деньгами, а продуктами, причемъ послѣдніе всегда ставятся въ счетъ на 10—20 процентовъ выше противъ рыночныхъ цѣнъ; такъ, напр., за пудъ муки вмѣсто 85 коп. хозяева берутъ съ своихъ мастеровъ по 1 руб.; за 10 фунтовъ соли вмѣсто 20 к.—30 к., за четвертку чаю вмѣсто 35 к.—50 к. и т. д. Рабочіе крайне недовольны такимъ способомъ расплаты, но по необходимости должны подчиняться ему, такъ-какъ иначе имъ пришлось-бы долго ждать денежной расплаты за свой трудъ. Надобно замѣтить, что хозяева не имѣютъ открытой торговли, а держатъ провизію только для расплаты съ своими мастерами, увеличивая этимъ путемъ размѣръ своей предпринимательской прибыли. Только очень немногіе хозяева не придерживаются этой системы, а расплачиваются съ своими мастерами всегда наличными деньгами; большинство-же выдаетъ деньги только въ томъ случаѣ, когда онѣ требуются на оброкъ или на обувь (Сборникъ стат. свѣд. по московской губерніи, VI, 214—215). Въ Черниговской губерніи, въ селѣ Клинцахъ, крестьяне, наиболѣе зажиточные, завели суконныя фабрики и сильно эксплуатируютъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, къ которымъ они относятся съ явнымъ презрѣніемъ и называютъ ихъ «хохлами». Вмѣсто денегъ за работу, часто навязываютъ имъ бракованное сукно по 1 р. 20 к. за аршинъ, тогда-какъ небракованное сукно того-же сорта стоитъ не дороже 1 р. за аршинъ. Работникъ продаетъ это сукно по 80 коп. за аршинъ, а нерѣдко и совсѣмъ не можетъ сбыть его. Кромѣ того, различные припасы, напримѣръ: муку, крупу, постное масло, соль и проч., рабочіе обязаны покупать у хозяина фабрики по возвышеннымъ цѣнамъ, сравнительно съ рыночными.

По поводу хозяйскихъ лавочекъ на фабрикахъ владимірской губерніи губернский гласный Куликовъ говорилъ, однажды, въ земскомъ собраніи: «Душевно сочувствую труду рабочихъ фабричныхъ и не менѣе порицаю тѣхъ фабрикантовъ-хозяевъ, которые извлекаютъ неблаговидно отъ арендаторовъ фабричныхъ лавочекъ излишній ⁰/₀, лежащійся всею тяжестью на безотвѣтный рабочий трудъ, послѣдствія коего по пословицѣ «толочь воду на воеводу». Изъ личныхъ моихъ наблюденій мнѣ извѣстно, что хозяева-фабриканты довели цѣну аренды за лавочки до 4,000 р.;

такая почтенная цѣна, безъ сомнѣнія, отнимается у рабочихъ рукъ, и надо предполагать, что въ такомъ-же размѣрѣ благо-родно пользуется за свои хлопоты и арендаторъ. Если зло это недоступно уничтожить самому рабочему люду, то мы, предста-вители земства и сословій, почему-же не сочувствуемъ угнетен-ной нуждѣ? Намъ нерѣдко доводилось слышать о ропотѣ рабо-чихъ и плачевныхъ послѣдствіяхъ этого люда. Главный источ-никъ къ жизни рабочаго класса въ нашей губерніи отъ зара-ботка на фабрикахъ и заводахъ, но какойже остается % зарабо-токъ, когда рабочій переплачиваетъ за все въ лавочку, а на сто-ронѣ купить не можетъ изъ боязни штрафа и недачи деньгами» (Земск. Сб. 1872, VI, 202). Въ клинскомъ уѣздѣ рабочіе сплошь и рядомъ тоже обязаны забирать все припасы изъ хозяйскихъ лавокъ по страшно дорогой цѣнѣ, какъ можно судить по слѣ-дующимъ цифрамъ:

	Цѣны въ г. Клинѣ.	Цѣны въ хоз. лавкахъ.
Крупа гречн. мѣра. 1 р. 40 к.		2 р. — к.
Пшено пудъ. . . 1 » 60 »		1 » 80 »
Мука 1 сортъ ф. . . 7 »		8 »
Сахаръ фунтъ . . 18 »		25 »
Свѣчи фунтъ. . . 20 »		23 » (Эрисманъ, 83, 142).

Такъ-какъ хозяева закупаютъ товары оптомъ, то ихъ бары-ши по операціи въ дѣйствительности выше приведенныхъ цифръ. Независимо отъ безсовѣстной эксплуатаціи, какою подвергается въ хозяйскихъ лавочкахъ рабочій, отъ страдаетъ отъ нихъ еще и въ другомъ отношеніи—заборъ по книжкѣ замедляетъ окон-чательный расчетъ. Вотъ, напр., что рассказываетъ г. Эрис-манъ о фабрикѣ Балина: «Расчетъ съ рабочими производится конторой ежемѣсячно, во второй половинѣ каждаго мѣсяца; я видѣлъ книжки рабочихъ, послѣ 20-го сентября еще не полу-чившихъ расчетъ за августъ. По заявленію конторы, производ-ство расчета задерживается тѣмъ, что по окончаніи каждаго мѣсяца прежде всего долженъ быть сдѣланъ расчетъ по хар-чевой лавкѣ, въ которой рабочіе забираютъ съѣстные припасы въ кредитъ. Нельзя умолчать здѣсь о томъ, что, по словамъ конторщиковъ, не только служащіе, но и рабочіе нерѣдко полу-чаютъ расчетъ купонами процентныхъ бумагъ, иногда еще даже не вышедшими, такъ-что рабочіе, при размѣнѣ ихъ, терпятъ убытокъ» (ib., 81). При такихъ порядкахъ большинство рабо-чихъ остается въ вѣчной кабалѣ у хозяевъ и обязано отрабо-

тывать свои неоплатные долги. На сахарномъ заводѣ Іозеля, Подольской губерніи, рабочіе въ 1877 году заключили условіе, въ которомъ говорится, что прежде полученія платы обычнымъ путемъ, рабочіе должны сначала отслужить долги и штрафныя деньги, оставшіяся отъ прошлаго года, а также пополнить убытки за побѣги, судебныя издержки и гербовыя пошлины. Интересно, что заводъ, кромѣ возмѣщенія своихъ долговъ, беретъ еще за нихъ проценты—работою, конечно, и притомъ въ огромномъ размѣрѣ. Въ условіи должники раздѣлены на два разряда: задолжавшіе отъ 10 коп. до 6 руб. и отъ 6 до 20 руб. Первые обязываются проработать бесплатно одинъ мѣсяцъ, а вторые—1½ мѣсяца: это за одни проценты; потомъ самый долгъ отрабатывается своимъ порядкомъ. Теперь, если принять среднюю величину долга для перваго разряда даже въ 4 руб. (что выйдетъ больше арифметическаго средняго между 10 коп. и 6 руб.), то мѣсячная работа, оцѣниваемая обыкновенно въ 6 руб., составитъ на нихъ цѣлыхъ 150%!!

Въ другомъ мѣстѣ мы уже подробно говорили, что большинство кустарей находится въ кабалѣ у кулаковъ, и то-же самое слѣдуетъ сказать о фабричныхъ рабочихъ. На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ клинскаго уѣзда, напр., ткачи нанимаются безъ опредѣленныхъ условій, кромѣ условленной заранѣе цѣны за выработанный товаръ, и съ тѣмъ, чтобы ткачъ не уходилъ отъ хозяина, не отработавъ взятую основу. Весьма часто ткачъ, вмѣстѣ съ первой основой, беретъ у хозяина и нѣсколько денегъ впередъ, либо на уплату податей или на покупку какихъ-нибудь жизненныхъ потребностей, либо на выпивку. Этотъ долгъ хозяину, который обыкновенно со временемъ не уменьшается, а постоянно увеличивается, вполне отдаетъ рабочаго въ руки работодателя, и ткачу, разъ запутавшемуся, бываетъ очень трудно выбраться изъ этой кабалы и рассчитаться съ хозяиномъ. Для хозяевъ-же, хотя при этомъ иногда у нихъ и пропадаютъ небольшія суммы, эта операція, тѣмъ не менѣе, не безвыгодна на томъ основаніи, что она, превращая рабочаго болѣе или менѣе въ раба и не позволяя ему перейти на другую фабрику, даетъ хозяину возможность безграничной эксплуатаціи рабочей силы (Эрисманъ, 152—3).

На заводѣ Сергѣева «рабочіе большею частью находятся въ долгу у хозяина» (ib., 289). На заводѣ Борисова «рабочіе забираютъ у хозяина деньгами, въ теченіи года, сколько имъ нужно, а въ концѣ года производится расчетъ, причемъ, по заявленію самого владѣльца завода, всегда оказывается, что рабочіе должны ему, а не онъ рабочимъ» (ib., 299). На заводѣ Антонова,

по заявленію владѣльца, рабочіе забираютъ къ Пасхѣ рублей 20 или 30 впередъ, а затѣмъ уже поневолѣ остаются на заводѣ на весь годъ» (ib., 302). На заводахъ Симонова, Сидорова, Михайлова и Тимофѣева «рабочіе большею частью забираютъ деньги впередъ, и при расчетѣ обыкновенно оказывается, что они должны хозяину, а не хозяинъ имъ. Забранныя впередъ деньги рабочіе, главнымъ образомъ, употребляютъ на уплату податей или на покупку съѣстныхъ припасовъ для своихъ семей» (ib., 314). Эта кабала рабочаго нигдѣ такъ не свирѣпствуетъ, какъ въ Сибири на золотыхъ приискахъ, на которыхъ десятки тысячъ рабочихъ за свой каторжный трудъ въ большинствѣ случаевъ не получаютъ въ сущности ничего и только наживаютъ неоплатные долги хозяевамъ.

Прииски создали настоящихъ артистовъ, какъ покойный Лавровскій или Константинъ Полежаевъ, о которомъ енисейскій корреспондентъ «Камско-Волжской Газеты» 1873 г. рассказалъ изумительныя вещи. Этотъ баринъ, не довольствуясь рабочими, состоящими почти исключительно изъ ссыльныхъ, началъ законтраکتывать рабочія артели изъ Россіи. Такая богатая артель, обязанная круговой порукой, за все и про все должна была платить штрафы и неустойки и всѣ товары, даже сѣно, получать отъ хозяина съ приплатами до 600% противъ существующихъ цѣнъ! Черезъ годъ работы всѣ деньги артели, все ея имущество, лошади, сбруя и т. д. очутились въ распоряженіи Полежаева.

Наши фабриканты и заводчики не считаютъ себя обязанными хотя сколько-нибудь позаботиться о сохраненіи жизни и здоровья рабочихъ. На Западѣ законодательство давно уже обязало фабрикантовъ не допускать такихъ вредныхъ работъ, безъ которыхъ можно обойтись, и располагать машины такъ, чтобы онѣ не могли убивать и калѣчить рабочихъ. У насъ-же ничего подобнаго нѣтъ. Недавніе пожары нѣсколькихъ московскихъ фабрикъ и петербургской Шапшала показали, что фабриканты не принимаютъ даже надлежащихъ мѣръ отъ огня и подвергаютъ своихъ рабочихъ опасности сгорѣть заживо. На одной изъ лучшихъ писчебумажныхъ фабрикъ Петербурга, вертикальная труба, по которой бумажная масса проходитъ чрезъ всѣ три этажа, чистится женщинами, которыя, раздѣвшись до-нага, садятся въ мѣшки и, опускаясь въ нихъ по трубѣ, своими плечами и боками обтираютъ стѣны ея отъ налипшей массы. Все ихъ тѣло покрыто ссадинами, сыпью, коростами. Самые способы работъ въ многихъ случаяхъ угрожаютъ жизни рабочаго.

Вотъ, напр., какъ по разсказу члена рязанской земской управы добываютъ жерновой камень въ данковскомъ уѣздѣ: «Артель

ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удосто-
вѣрившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывает-
ся до камня и, продолбивъ его, всыпаетъ въ сдѣланное отвер-
стіе нѣсколько фунтовъ пороху; тогда въ артели выбирается
смѣльчагъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ прощается со
всѣми и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть
причины прощаться. Зажиганіе пороха дѣлается такъ: берется
желѣзная лопата съ жаромъ, и изъ рукъ бросается огонь въ
порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалѣ-
ченнымъ, но еще чаще русское авось вывозить, и тогда нѣтъ
конца торжеству. Виновику его предоставляется право второго
выбора изъ всѣхъ имѣющихъ быть добытыми камней, такъ-какъ
первый выборъ принадлежитъ цѣловальнику, который давно уже
купилъ лучшій камень рублей за 12, далъ впередъ деньги и, по-
лучивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 рублей. Разорвавъ ка-
менное гнѣздо, артель устраиваетъ ступенями спускъ въ яму и
начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, разворо-
щенные взрывомъ. Земля при этомъ передается наверхъ со сту-
пеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ,
то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточ-
но окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскива-
ютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень по-
средствомъ клинѣвъ и клюва (остраго молотка) и придаютъ ему
форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавли-
вающихъ рабочихъ, и въ Остромъ Камнѣ я видѣлъ одного иска-
лѣченного такимъ образомъ» (Докл. о ревиз. уѣзд. I, 106).

То-же самое видимъ и на большихъ фабрикахъ. На бумаго-
прядильняхъ клинского уѣзда пріемные валики на трепальныхъ
и чесальныхъ машинахъ недостаточно защищены, и пальцы или
руки рабочихъ, разстилающихъ хлопокъ на трепальныхъ маши-
нахъ или поправляющихъ «холстъ» на чесальныхъ машинахъ,
при малѣйшей неосторожности со стороны рабочаго или при
слишкомъ большомъ усердіи его, чрезвычайно легко могутъ быть
захвачены пріемными валиками. Кромѣ того, въ мастерскихъ
не вывѣшено объявленіе о томъ, что рабочимъ не позволяется
чистить или смазывать машины на ходу, такъ-что нерѣдко даже
болѣе или менѣе прикрытыя шестерни, въ особенности на че-
сальныхъ машинахъ, даютъ поводъ къ поврежденіямъ пальцевъ
во время чистки или смазки ихъ (Эрисманъ, 78).

На фабрикѣ Грегори за паровой машиной и котломъ, до
взрыва послѣдняго, спеціальнаго надзора вовсе не было; по
заявленію управляющаго, котелъ даже не былъ осматрѣнъ гу-
бернскимъ механикомъ въ теченіи 9 лѣтъ, предшествовавшихъ

взрыву (ib., 123). На сандалной мельницѣ Неокладнова очевидно опасность поврежденій рабочихъ машинами и разбрасываемыми во всѣ стороны щепками сандалнаго дерева при разщепленіи его на рѣзкахъ; работающіе на послѣднихъ могутъ легко попадать руками подъ зубцы рѣзокъ. Отсутствие всякой преграды, которая могла-бы предотвратить разбрасываніе щепокъ по мастерской, увеличиваетъ опасность механическихъ поврежденій (ib., 249). На маслобойнѣ Ильина — «явная опасность получить поврежденіе рукъ при размѣшиваніи сѣмени во время помола: стоитъ только рабочему на минутку забытья, напирмѣръ, въ разговоръ, и не убрать руку заблаговременно, для того, чтобы бѣгунъ безопадно прошелъ черезъ нее» (ib., 260).

Комиссія, осматривавшая петербургскія фабрики, говоритъ: «Исслѣдованіе это обнаружило множество недостатковъ, какъ въ устройствѣ фабричныхъ помѣщеній, такъ и во внутреннемъ порядкѣ, принятомъ на фабрикахъ. Большая часть осмотровинныхъ фабрикъ тѣсны, неопрятны и лишены необходимой вентиляціи; опасныя части машинъ не ограждены, какъ-бы слѣдовало; рабочіе допускаются къ машинамъ безъ объясненія имъ свойствъ механизмовъ; дѣти изнуряются чрезмѣрною работою днемъ и даже ночью; обращеніе съ малолѣтними грубо и жестоко; на фабрикахъ, производящихъ вещества, вредно дѣйствующія на здоровье рабочихъ, не принимается никакихъ предохранительныхъ мѣръ; интересы людей, подвергающихся увѣчьямъ, не обезпечены никакими положительными постановленіями». Оттого-то мы и читаемъ въ газетахъ извѣстія такого рода:

На суконной фабрикѣ Лазарева работница 37-ми лѣтъ, проходя мимо шестеренъ нагонной машины, задѣла за нихъ платьемъ и, силясь освободить его, попала въ шестерни рукою, причѣмъ повредила 4 пальца; *шестерни не были покрыты футляромъ.*

На аппретурной и красильной фабрикѣ Либиша, рабочій 33-хъ лѣтъ, оступившись, попалъ между маховымъ колесомъ и станкомъ и вслѣдствіе полученныхъ поврежденій умеръ; *маховое колесо не было огорожено.*

На суконной фабрикѣ Лазарева рабочій-стригачъ, желая вывести изъ мертваго положенія шатунъ паровой машины, всталъ на спицу махового колеса и тяжестью своего тѣла привелъ колесо въ движеніе, причѣмъ упалъ, оставя ногу въ спицѣ колеса; обѣ ноги были переломлены, отчего и послѣдовала смерть. (Повертываніе махового колеса должно производиться помощію рычага, а не руками или тяжестью тѣла рабочихъ, какъ это дѣлается на этой фабрикѣ).

На красильной фабрикѣ Щербаковыхъ 16-ти-лѣтній рабочій

былъ втянутъ за полы одежды въ *непокрытыя шестерни* колотильной машины и раздавленъ до смерти.

На аппретурной фабрикѣ Боргестъ 12-ти-лѣтній мальчикъ, поступившій незадолго до несчастія на эту фабрику, попалъ ногою на валъ, проходящій подъ поломъ, вслѣдствіе того, что одна изъ короткихъ досокъ, составляющихъ полъ, была снята, и ему оторвало лѣвую ногу до колѣна. Несчастіе это произошло отъ *несоблюденія правилъ предосторожности на этой фабрикѣ*.

Положеніе несчастныхъ искалѣченныхъ поистинѣ ужасно. Во владимірской губерніи узуродованные, искалѣченные рабочіе прогоняются съ фабрикъ и ведутъ жалкую жизнь, не возбуждая ни въ комъ состраданія, «за исключеніемъ развѣ добровольныхъ подаяній и участія ближнихъ родственниковъ, которые и сами нуждаются въ средствахъ существованія» (Сб. 1877, IX, 38). Объ этомъ заявляли шуйская управа и гласный вязниковскаго собранія Куликовъ (Журн. 1871, 7), но эти заявленія, чтобы «не причинить безпокойства гг. фабрикантамъ», переданы въ комиссію, и вопросъ затихъ. Шуйское земство и богатая Шуя не хотятъ даже устроить богадѣльни и больницы для своихъ рабочихъ, «которые разносятъ въ настоящее время по своимъ домамъ заразительныя болѣзни, въ особенности сифилисъ и тифъ, требующіе госпитальнаго леченія». (Ж. Губ. С. 1867, 395; Сб. 1876, XIII, 139; 1877, IX, 43).

Или вотъ что писалъ въ 1879 г. одинъ газетный корреспондентъ изъ Серпухова: «Въ концѣ лѣта на фабрикѣ купца Хуторева произошелъ несчастный случай: у рабочаго мальчика Семена Никифорова оторвало руку. Мать этого несчастнаго подала мировому судѣ жалобу и просила взыскать съ Хуторева 500 руб. за увѣче сына, поддерживавшаго своимъ жалованьемъ семью. На дняхъ было назначено разбирательство по этому дѣлу. Никифоровъ (на видъ ему лѣтъ 12, худъ, блѣденъ, забитъ) далъ на судѣ слѣдующее показаніе: «Живу я на фабрикѣ уже 3 года, съ 12-ти лѣтъ. Сперва я нанялся туда трепать шерсть на трепальной машинѣ, гдѣ уже были другіе мальчики, но работа эта была мнѣ не подъ силу, потому-что была на три аппарата; потомъ заставили меня таскать шерсть на второй этажъ, взваливали на плечи по полпуда, а за малѣйшую неисправность жестоко били; не проходило дня, чтобы насъ не колотили. Жалованья положили мнѣ въ мѣсяцъ на моихъ харчахъ пять рублей; работали мы, дѣти, посмѣнно, днемъ по 13 часовъ, а потомъ въ ночную смѣну съ 8-ми часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра. Отдѣльныхъ помѣщеній у насъ нѣтъ, и спимъ мы въ шерсти, въ ящикахъ. Спустя нѣсколько времени, насъ поставили на щипал-

ку, которая очищает шерсть; тутъ я работалъ мѣсяцевъ шесть. Здѣсь насъ били и стегали ремнями. Харчи хозяинъ отпускалъ изъ своей лавки въ долгъ, а потомъ вычиталъ изъ жалованья. Я нѣсколько разъ просилъ, чтобы мнѣ дали другую работу, такъ какъ эта мнѣ не по силамъ. Ночью, наканунѣ несчастія, меня сильно избилъ мастеръ Волковъ; потомъ въ ту-же-ночь меня отдули въ другой разъ за то, что у щетки чѣмъ-то вырвало кусокъ щетины; въ третій разъ тогда-же избилъ меня мастеръ Волковъ уже въ полночь, послѣ чего я въ изнеможеніи заснулъ. Скоро меня разбудилъ смѣнщикъ и заставилъ выбрать изъ машины соръ, выбрасываемый отбойною машиной. Испугавшись его крика и опасаясь получить новые побои, я съ просонокъ бросился къ машинѣ, и тутъ-же правая рука моя попала въ отбойную щетку, которая защемила правую руку выше кисти. Я закричалъ отъ страшной боли, а мастеръ, подходя ко мнѣ и сильно ругаясь, остановилъ машину. Но я все-таки не могъ освободить руки, такъ-какъ ее перешибло щеткой. Волковъ пошелъ тогда за ключемъ, чтобы отвинтить гайку, но принесъ не тѣ ключи и пошелъ за другими, между тѣмъ какъ рука моя все еще была защевлена въ машинѣ, что продолжалось минутъ десять. Докторъ отнял у меня правую руку черезъ четыре дня».

Независимо отъ этихъ убійствъ и калѣченій почти всѣ безъ исключенія русскіе заводы и фабрики быстро разрушаютъ здоровье рабочихъ своею смертоюсною обстановкою. «По внѣшнему виду, говоритъ Эрисманъ,—рабочіе подходятъ подъ общій типъ фабричныхъ рабочихъ, который значительно отличается отъ типа рабочаго хлѣбопашца: они плохо упитаны, лишены свѣжаго цвѣта лица, съ отпечаткомъ какъ-бы вѣчной усталости, и рано старятся; послѣднее явленіе всего болѣе бросается въ глаза у женщинъ, которыя, кромѣ того, весьма часто обнаруживаютъ признаки сильнаго малокровія. Особенно жалкій и положительно внушающій состраданіе видъ представляютъ, почти безъ исключенія, малолѣтніе: даже имѣя сравнительно легкую работу, не требующую значительнаго физическаго напряженія, они крайне изнурены, съ блѣдными лицами и впалыми щеками; многіе изъ нихъ являются истинными страдальцами; работающіе недавно на фабрикѣ—во всѣхъ отношеніяхъ свѣжѣе и бодрѣе другихъ» (Эрисманъ, 87). На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ «внѣшній видъ ткачей имѣетъ много общаго съ видомъ фабричныхъ рабочихъ вообще: всего больше поражаетъ блѣдный и даже желтоватый цвѣтъ лица, замѣчаемый даже у тѣхъ рабочихъ, которые, въ общемъ, хорошо упитаны. Сами ткачи говорятъ, что зимой они всегда худѣютъ («сохнутъ»), какъ они выражаются) и

сильно утомляются, а лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, значительно поправляются. Плохо упитанные субъекты чаще всего встрѣчаются между малолѣтками, блѣдные лица и исхудалое тѣло которыхъ положительно вызываютъ жалость. Трудно сказать, что больше виновато въ этомъ хроническомъ разстройствѣ организма рабочихъ,—недостаточное-ли питаніе или условія труда; всего естественнѣе предположить, что оба эти момента дополняютъ другъ друга и что роковое дѣйствіе ихъ идетъ рука объ руку» (ib., 156). И вездѣ одно и то-же!

Но кромѣ этой общей истощенности рабочаго люда, онъ страдаетъ еще отъ множества специфическихъ болѣзней, прививаемыхъ ему дурно обставленнымъ мастерствомъ. Вотъ что, на-примѣръ, говорилъ однажды во владимірскомъ земскомъ собраніи одинъ гласный о личильщикахъ въ желѣзномъ производствѣ: «Люди, занимающіеся этою работою, несмотря на то, что во время работы такъ завязываются, что одни глаза остаются не закрытыми, поголовно получаютъ въ короткое время злую чахотку и мрутъ какъ мухи, рѣдко доживая до 30-ти-лѣтняго возраста, а если и переживаютъ этотъ періодъ жизни, то слѣпнуть, несмотря на все искусство снимать съ глаза подтачиваніемъ иглою приставшій осколокъ стали или желѣза. Въ одной дер. Лѣсниковой осталось 40 вдовъ послѣ личильщиковъ, въ сосѣднихъ съ оною еще болѣе—но этого мало; оставшіяся послѣ умершихъ чахоткою личильщиковъ сироты-дѣти остаются съ наслѣдствомъ чахотки отцовъ. А изъ этого видно, что дѣло личенія, съ одной стороны, очень полезное, съ другой—хуже всякой эпидеміи, потому-что подвергнувшіеся оной только сами умираютъ, но не оставляютъ гибельнаго наслѣдства потомству; а личильщики, поголовно почти умирая, не доживши своего вѣка, дѣлаютъ и дѣтей своихъ наслѣдниками своей гибели,—это ужасно! И потому, боясь суда Божія и человѣческаго, я слагаю съ своей совѣсти грѣхъ оставленія ближняго въ безвыходной бѣдѣ и святымъ долгомъ считаю объяснить о семъ земской управѣ для доклада земскому собранію, дабы оно приняло мѣры къ предохраненію рабочихъ отъ вдыханія желѣзной и каменной пыли посредствомъ предложенія преміи за приобрѣтеніе какого-либо аппарата, могущаго спасти выгодно работающихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, дознать, какъ предохраняютъ себя отъ преждевременной злой смерти англійскіе, французскіе и берлинскіе личильщики» (Влад. З. Сб. 1874, III, 178).

Въ кузницахъ Уломы искры при ковкѣ сыплются градомъ и все бѣлье кузнечовъ (въ которомъ они работаютъ), обыкновенно, бываетъ покрыто прожогами; на это, конечно, не обращает-

ся никакого вниманія; весьма нерѣдко онѣ попадаютъ въ глаза и производятъ воспаленіе роговицы и конъюнктивы, а иногда и радужной оболочки со всѣми послѣдствіями: помутнѣніями роговицы, сращеніями радужной оболочки, а иногда и потерю зрѣнія отъ травматическихъ катарактъ и панопталмитовъ. На стеклянныхъ заводахъ «общій видъ мастеровъ, задѣльщиковъ и мальчиковъ—болѣзненный, изнуренный; часто встрѣчаются признаки сильной анеміи. Большинство этихъ рабочихъ носитъ на себѣ отпечатокъ утомительнаго и заѣдающаго силы труда; по заявленію приказчика, между мастерами и ихъ помощниками нѣтъ ни одного вполнѣ здороваго человѣка. Наиболѣе свѣжій и здоровый видъ представляютъ рабочіе въ гончарной, чернорабочіе и вообще всѣ, не принимающіе участіе въ выработкѣ стекла. Что касается спеціальныхъ болѣзней, зависящихъ отъ самого производства, то намъ удалось узнать, что двое рабочихъ страдаютъ паховой грыжей, приобрѣтенной вслѣдствіе сильной натуги при работѣ; многіе жалуются на частую головную боль, являющуюся при работѣ около плавильныхъ печей особенно лѣтомъ; далѣе—на боль въ груди, очевидно нерѣдко обусловливаемую болѣзненными измѣненіями органовъ грудной полости. Очень часто бываютъ ожоги отъ горячаго, расплавленнаго стекла, и рабочіе считаютъ ихъ до такой степени обыкновеннымъ явленіемъ, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія» (Эрисманъ, 174).

Главные причины этихъ страданій, по мнѣнію Эрисмана, слѣдующія: 1) *Сильное напряженіе дыхательныхъ органовъ*, какъ грудныхъ мышцъ, такъ и самаго легкаго, при выработкѣ посуды. Напряженіе это до такой степени значительно, что рабочіе съ слабой грудью вовсе не въ состояніи долго продолжать работу выдуванія стекла. Даже у первоначально здоровыхъ людей скоро является боль въ груди, по всей вѣроятности нерѣдко сопровождаемая серьезными страданіями легкихъ (хроническіе бронхиты, эмфизема). Другимъ послѣдствіемъ напряженнаго состоянія грудныхъ и брюшныхъ мышцъ, во время выработки посуды, и послѣдовательнаго давленія на внутренніе органы, являются грыжи и неправильности кровообращенія въ органахъ живота и въ нижнихъ конечностяхъ; застой крови въ ногахъ еще усиливается отъ постоянного стоянія при работѣ, подъ вліяніемъ котораго образуются варикозные узлы съ опуханіемъ ногъ и т. д.

2) *Неправильный образъ жизни*, къ которому рабочіе принуждены вслѣдствіе отсутствія порядка въ распредѣленіи рабочаго дня, такъ-какъ время работы и отдыха зависитъ отъ того, сколько часовъ потребуется для сплавленія стеклянной массы. Отсутствіе опредѣленнаго времени для работы, для сна, для ѣды и т. д.

должно неминуемо повлечь за собой сильное утомленіе, разстройство питанія и изнуреніе организма.

3) *Сильная жара, а въ особенности чрезмѣрная лучистая теплота облизі плавильной печи, и неравномѣрность температуры въ гуті.* По заявленію какъ мастеровъ, такъ и арендатора завода, лѣтомъ, во время выработки посуды, жара около печи, бываетъ до такой степени невыносима и мучительна, что мастера и задѣльщики весьма часто (черезъ каждыя 2 или 3 часа) бросаются въ воду для охлажденія чрезмѣрно-разгоряченнаго тѣла и, кромѣ того, употребляютъ въ питье большія количества холодной воды. Зимой-же рабочіе страдаютъ менѣе отъ жары, нежели отъ чрезвычайно-неравномѣрной температуры въ гуті, при которой, съ одной стороны, тѣло жарится отъ лучистой теплоты плавильной печи, съ другой-же стороны вѣетъ страшнымъ холодомъ, такъ-какъ внутренность гуті вполне доступна вѣтру и холодному наружному воздуху.

4) *Известковая и песчаная пыль*, развивающаяся въ большомъ количествѣ при приготовленіи и размѣшиваніи состава для стекла. Самая ѣдкая и вредная пыль получается при разбиваніи и просѣиваніи извести; она вызываетъ постоянный кашель, несмотря на то, что рабочіе завязываютъ ротъ и носъ. Песчаная пыль раздражаетъ дыхательные органы замѣтно меньше известковой. Какъ упомянуто выше, рабочія помѣщенія не снабжены никакими приспособленіями, ни для предотвращенія образования пыли и перехода ея въ воздухъ мастерскихъ, ни для удаленія ея оттуда путемъ вентиляціи.

5) *Опасность получить ожоги* отъ падающихъ на руки или на другія части тѣла капель расплавленнаго стекла.

6) *Опасность для мальчиковъ, бѣгающихъ по гуті для уборки выработанной посуды, падать и проваливаться въ подпольные ходы*, вслѣдствіе неровностей пола и недостаточнаго освѣщенія гуті. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ быстро должны бѣгать эти мальчики и какъ мало они имѣютъ времени смотрѣть себѣ подъ ноги, надобно припомнить, что мастеръ, въ теченіи 9 часовъ, можетъ выработать до 500 штукъ посуды, которая вся убирается однимъ мальчикомъ, постоянно шныряющимъ взадъ и впередъ между плавильной печью и калильной или тянульной печами (ib. 174—7).

На спичечныхъ фабрикахъ, на которыхъ работаютъ, главнымъ образомъ, дѣти, устройство большею частію самое первобытное; фосфорные, сѣрные и стеариновые пары безпрепятственно распространяются по всей фабрикѣ, такъ-что отъ нихъ страдаютъ даже рабочіе, занятіе которыхъ исключаетъ всякое

участіе въ обращеніи съ фосфорной массой, какъ, напр., накатывальщики и мазальщики. Наконецъ, небрежное отношеніе фабриканта къ опасностямъ, угрожающимъ здоровью рабочихъ, явствуетъ и изъ полнѣйшаго отсутствія мало-мальски удовлетворительной искусственной вентиляціи мастерскихъ, вслѣдствіе чего рабочіе, даже зимой, часто бываютъ вынуждены открывать всѣ двери настежь, чтобы хотя немного содѣйствовать удаленію изъ мастерскихъ вредной атмосферы и подышать свѣжимъ воздухомъ (ib., 181). Большая часть рабочихъ страдаетъ здѣсь костоѣдой зубовъ, пораженіемъ надкостницы, опухолью десенъ (ib., 195).

На зеркальныхъ заводахъ, «у всѣхъ рабочихъ замѣчаются признаки хроническаго ртутнаго отравленія, въ болѣе или менѣе значительной степени: общій видъ рабочихъ въ высшей степени болѣзненный, худосочный; цвѣтъ лица блѣдный, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; питаніе тѣла плохое; десны опухшія; отъ времени до времени является слюнотеченіе; руки дрожатъ. Всего интенсивнѣе признаки ртутнаго отравленія обнаруживаются у подводчика: кромѣ сѣраго цвѣта лица и опухоли десенъ, у него замѣчается довольно сильное дрожаніе рукъ; отъ времени до времени болѣзненное состояніе усиливается до такой степени, что онъ бываетъ вынужденъ совершенно прекратить работу на нѣкоторое время, причемъ мѣсяца черезъ 2, 3, признаки отравленія исчезаютъ настолько, что онъ опять можетъ взяться за работу; къ медицинской помощи онъ никогда не прибѣгалъ; своимъ дѣломъ онъ занимается уже 12 лѣтъ.

«Но и другіе рабочіе сильно страдаютъ отъ ртутныхъ паровъ: у питомца, работающаго на заведеніи уже 7 й годъ, замѣчается незначительное дрожаніе рукъ; десны опухшіе, питаніе тѣла плохое. У другого задѣльщика, мужчина 48 лѣтъ, занимающагося уже 9 лѣтъ въ зеркальныхъ заведеніяхъ, обнаруживается значительное дрожаніе рукъ, общій упадокъ питанія и дурной запахъ изо рта; десна синеватаго цвѣта, опухшая; кромѣ того, онъ страдаетъ хроническимъ катарромъ дыхательныхъ путей» (ib., 199—200).

На войлочныхъ заводахъ общій видъ рабочихъ неудовлетворителенъ: они малокровны, изнурены, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, по ихъ словамъ, они нѣсколько поправляются, но скоро послѣ возвращенія къ работѣ въ войлочныхъ заведеніяхъ они опять начинаютъ «сохнуть». Всего больше они страдаютъ въ началѣ занятій, послѣ лѣтнихъ перерывовъ; у нихъ тогда является сильная головная боль, затѣмъ боль въ груди и кашель. Даже весьма непродолжительные перерывы вызываютъ эти болѣзненные явленія; такъ, напр., въ

понедѣльникъ, или вообще въ первый день послѣ праздника, они чувствуютъ себя нехорошо и работа идетъ вяло. Нѣкоторые изъ рабочихъ страдаютъ хроническимъ катарромъ бронховъ и эмфиземой легкихъ (ib, 206). Кромѣ известковой и шерстяной пыли, развѣвающейся при взбиваніи шерсти въ сѣняхъ и въ мастерской, и толстымъ слоемъ покрывающей полунагое тѣло рабочихъ, весьма вреднымъ для здоровья моментомъ является и быстрый переходъ изъ крайне высокой температуры на морозъ, когда рабочіе изъ сильно нагрѣтой мастерской, босыми ногами и безъ штановъ, выходятъ въ сѣни для взбиванія шерсти, или на улицу. Всего пагубнѣе эти неблагоприятныя условія должны отражаться на нѣжномъ организмѣ дѣтей, нерѣдко употребляемыхъ для работы въ войлочныхъ заведеніяхъ (ib, 207). Кромѣ этихъ специфическихъ болѣзней, поражающихъ рабочій людъ, онъ заражается на фабрикахъ сифилисомъ и разноситъ его по своимъ деревнямъ.

Фабрики не устраиваютъ для рабочихъ ни школъ, ни богадѣленъ, ни больницъ. Больные и калѣки выбрасываются на улицу. Больницы, если гдѣ и существуютъ, то стоятъ большею частію для показа, безъ врача, безъ фельдшера, безъ лекарствъ и безъ больныхъ. Вотъ что, напр., рассказываетъ г. Эрисманъ о фабрикахъ Фландена и К^о: «Изъ такъ-называемыхъ общественныхъ учрежденій, на фабрикахъ имѣется, во-первыхъ, баня, за пользованіе которой съ каждаго рабочаго вычитывается 20 коп. въ мѣсяцъ; затѣмъ — трактиръ, содержимый владѣльцемъ фабрики. Наконецъ, при фабрикахъ находится больница. Она устроена въ высшей степени чисто, привѣтливо и даже роскошно, съ желѣзными койками, хорошимъ бѣльемъ, тканевыми одѣялами, хорошенькими столиками возлѣ кроватей, съ библіотекой популярно-медицинскихъ книгъ и аптекой весьма удовлетворительно составленной. Больница состоитъ изъ мужского и женскаго отдѣленій: въ первомъ имѣется пять кроватей, во второмъ—3. Номинально больница завѣдуется уѣзднымъ врачомъ, который, однако, пріѣзжаетъ только раза два, три въ годъ. Фельдшера нѣтъ, лекарства отпускаетъ сынъ владѣльца, завѣдующій шелко-ткацкой фабрикой и принявшій на себя лѣченіе больныхъ рабочихъ. При этихъ условіяхъ понятно что больницей, такъ хорошо устроенной, рабочіе вовсе не пользуются; одержимые легкимъ недомоганіемъ остаются въ спальняхъ; тяжело заболѣвшіе отправляются домой; больные сифилисомъ, если объ этомъ узнаетъ контора, получаютъ расчетъ. Особаго сбора съ рабочихъ на медицинскую помощь не существуетъ» (ib, 134).

Въ Западной Европѣ, въ началѣ развитія промышленности положеніе фабричныхъ рабочихъ было такъ-же ужасно, какъ у насъ, но тамъ давно уже произволъ фабрикантовъ въ значительной степени ограниченъ закономъ и правительственнымъ надзоромъ, облегченъ трудъ женщинъ и дѣтей, введены обязательныя гигиеническія правила, опредѣлена норма рабочихъ часовъ, котлы и машины содержатся такъ, что рѣдко возможны тѣ убійства и калѣченія, которыя на нашихъ фабрикахъ случаются постоянно; въ рабочихъ книжкахъ и фабричныхъ правилахъ обязанности налагаются не на однихъ только рабочихъ и права предоставляются не однимъ только хозяевамъ. Защитить рабочаго отъ хозяина посредствомъ фабричнаго законодательства необходимо, но одной этой защиты мало. Необходимо искоренить ту голодную нищету, которая заставляетъ мужика погибать въ подземельяхъ горныхъ заводовъ, задыхаться въ рыболовныхъ ватагахъ, наживать чахотку на ткацкихъ фабрикахъ,—которая даже маленькихъ дѣтей, беременныхъ женщинъ и неправившихся родильницъ заставляетъ работать въ самой убійственной обстановкѣ часовъ по 15 въ сутки, не добдая, не допивая, не досыпая. Когда земледѣлецъ будетъ въ обезпеченномъ положеніи, онъ разовьетъ свои кустарные промыслы и ничто не заставитъ его идти въ фабричную кабалу, а если онъ и пойдетъ на фабрику, то только за хорошую плату и въ гигиеническую обстановку. Что-же касается фабричнаго законодательства, то пересмотръ его крайне настоятеленъ, особенно въ виду быстраго развитія промышленности. Съ 1860 по 1874 г. въ машиностроительномъ производствѣ сумма дохода съ 7.000,000, дошла до 31.000,000, въ кожевенномъ съ 16.000,000 до 35.000,000, въ бумажноткацкомъ съ 21.000,000 до 57.000,000, въ шерстоткацкомъ съ 8.000,000 до 21.000,000 въ свеклосахарномъ съ 6.000,000 до 43.000,000 и т. д. Съ развитіемъ промышленности, истощается организмъ рабочаго, ухудшается народное здоровье и вся страна болѣе и болѣе подвергается опасности, что вотъ-вотъ нагрянетъ на нее какая-нибудь чума, для которой такъ хорошо подготовлена почва въ деревняхъ и еще лучше въ промышленныхъ городахъ, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Да, обществу даже прямой расчетъ позаботиться о тѣхъ—

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

С. Пашковъ.